
ПУШКИНОВЕДЧЕСКИЙ РОМАН-ИССЛЕДОВАНИЕ КАК ЖАНР

Т.Г. Шеметова

Кафедра русской литературы XX века
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, стр. 51, 1-й учебный корпус, Москва, Россия, 119991

В статье рассматриваются различные варианты пушкиноведческого романа-исследования: от ставших классикой жанра романов Ю. Тынянова и И. Новикова до новейших опытов Ю. Дружникова.

Ключевые слова: эволюция жанра, роман-исследование, филологический роман.

Отмечающаяся последние десятилетия тенденция к расширению границ науки о литературе плодотворно сказывается и на пушкинистике. Один из ярких представителей этой науки, который сделал немало исторических изысканий, относящихся к наследию и судьбе А.С. Пушкина, — Юрий Дружников. Роман-трилогия этого писателя и исследователя «Узник России» («Изгнанник самовольный», «Досье беглеца», «Смерть изгоя») включается в известный круг произведений о Пушкине Ю. Тынянова, И. Новикова, Л. Гроссмана. Сам автор в ответах участникам конференции «Кризис или метаморфозы: судьба романа на рубеже веков» предлагает дополнить этот список В. Набоковым, М. Булгаковым и А. Синавским [12].

Последние три автора, безусловно, повлияли на общую фокусировку взгляда писателя — нетривиальную, лишенную «советскости»: В. Набоков — четырехтомником, посвященным «Евгению Онегину», но охватывающим все творчество поэта, и книгой «Николай Гоголь», М. Булгаков — пьесами о Пушкине и Мольере, А. Синавский — «Прогулками с Пушкиным», «В тени Гоголя» и статьями. Что же касается Ю. Тынянова, И. Новикова и Л. Гроссмана, то здесь сходство с текстом Ю. Дружникова заключается в особом типе жанровой организации произведения, в котором романная и исследовательская составляющие имеют разное количественное и качественное наполнение. В большинстве случаев это романы ученых, ступивших на писательскую стезю. Путь Дружникова противоположен: от писателя к ученому.

Первым романом-исследованием из четырех, рассматриваемых в этой статье, является «Пушкин» Ю. Тынянова, который был задуман в годы, предшествовавшие столетней годовщине со дня смерти поэта. Изучение Пушкина в советское время приняло небывалый размах: стояла задача превратить поэта-дворянина, писавшего помимо прочего монархические стихи, в «правoverного революционера».

Первые послереволюционные десятилетия еще не были столь тенденциозными, и было возможным появление новых пушкиноведческих идей на основе открывшихся фактов. В числе первооткрывателей одно из первых мест занимал Ю. Тынянов — автор исследований «Архаисты и Пушкин» (1926), «Пушкин и Тютчев»

(1926), «Пушкин» (1929). Приблизительно в это же время (в 1927 году) В.В. Вересаев издал книгу «Пушкин в жизни» — систематический свод подлинных свидетельств современников. Эта книга многократно переиздавалась и стимулировала появление беллетристических сочинений, написанных под ее влиянием. Замысел Тынянова, как показал исследователь, был «полемиически направлен против замысла Вересаева» — его интересовал «живой Пушкин», а не «Пушкин в жизни» [6. С. 540]. Из поля зрения Вересаева, говорил Тынянов, выпала «творческая судьба поэта», а в свидетельствах, вызвавших полное доверие Вересаева, предстает не столько подлинный Пушкин, сколько Пушкин, «каким он казался или даже хотел казаться постороннему глазу» [6. С. 542].

Создавая свой роман, Тынянов неоднократно сообщал читателям, что новые материалы, на которые он «натолкнулся», меняют многие сложившиеся представления; не меньшее значение имело использование и переосмысление уже известных документов, например, сохранившихся записей лекций лицейских профессоров и их изданных трудов («Право естественное» Куницына, «Риторика» Кошанского). Особое значение писатель придавал пушкинскому плану автобиографии, публикуемому в собраниях его сочинений под названием «Программа записок». Если сопоставить тот или иной эпизод романа с записью в пушкинской «программе», сразу становится ясным, что в лице автора романа соединились исследователь и художник: каждый эпизод одновременно является догадкой, интуитивным постижением, но в то же время основан на знании героя и его окружения.

Взаимосвязь научного и художественного творчества Тынянова может трактоваться по-разному: если для Б. Эйхенбаума романное изображение любви Пушкина к Карамзиной убедительнее построений статьи «Безыменная любовь» [1. С. 222], то для М. Гаспарова очевидно обратное, поскольку этот исследователь числит Тынянова-литературоведа по ведомству риторики, а не науки [2. С. 18]. Г. Левинтон, утверждающий принципиальную антиисторичность прозы Тынянова, полагает, что названная статья Тынянова «не только обосновывает и подкрепляет научными аргументами гипотезу, отраженную в романе, но одновременно подчеркивает *необходимость* аргументации, т.е. *гипотетический* характер биографической концепции, которая в романе предстает как безусловная реальность» [7. С. 129].

В первой части романа Ю. Тынянова центральный герой заслонен другими фигурами, во второй выступает на первый план. И в том, и в другом случае повествование имеет полуиронический характер, который в третьей части сменяется поэтически-страстным. Лирически напряженная авторская мысль как бы сливается с мыслью и речью героя, приобретая при этом сходство с речью стихотворной. В этой же части особенно настойчиво продолжает проявлять себя доминантная тема «утаенной любви» к Карамзиной. Как показал исследователь, эта тема подчиняет себе отбор цитируемых текстов и направленность их интерпретации [9].

В последней своей книге Тынянов, вопреки собственным историко-теоретическим постулатам 1920-х годов, создал образ эпохи, полностью уместившейся в собрание сочинений самого выдающегося своего представителя. Это не только

потребовало изложения событий подлинными или перефразированными пушкинскими словами, но и вызвало отмеченную исследователем изоморфность романа пушкинским текстам [9]. Парадоксальным может показаться тот факт, что Юрий Тынянов, автор трех романов, посвященных писателям первой трети XIX века, в своем научном творчестве не уделил достаточно внимания проблеме включения писательской биографии в историю литературы. По мнению М. Назаренко, «литература и филология были для Тынянова непересекающимися (или слабо пересекающимися) сферами деятельности» [9. С. 285]. Таким же образом можно объяснить «уход» ученого в литературу, неоднократно подчеркивавшийся в том числе самим Тыняновым.

Историко-биографический роман, отличный и от научной, и от романизированной биографии, требовал, очевидно, особого подхода к первоисточникам, несхожего и с традиционным, и с тем, что был использован самим Тыняновым в первых романах («Кюхля», «Смерть Вазир-Мухтара»).

В романе «Пушкин» ведется излюбленная Тыняновым игра с напряжением между предельной и бесспорной достоверностью описанных событий и очевидной для специалистов деформацией реальной истории. Персонажи или «подстраиваются» под характеристики, которые им впоследствии даст Пушкин, или ведут себя вопреки официальной версии событий. Так, Тынянов избегает описания лицейской любви поэта к молодой вдове Марии Смит как безответной, поскольку это снизило бы сюжетную линию «утаенной любви» к Карамзиной, превратилось бы в ее дублирование.

Анализируя явные и неявные цитаты из пушкинского творчества в романе Тынянова, М. Назаренко приходит к мысли о том, что «Пушкин» Ю. Тынянова — не «исторический роман» и не «романизированная биография», но *свободный роман* (воссоздание жизни на основе творчества и творчества на основе биографии). По нашему мнению, названные выше особенности тыняновского произведения позволяют трактовать его скорее как *роман-исследование*, поскольку произведение держится на строгом структурном каркасе: автор идет от эпохи, постепенно приближается к герою, насыщая повествование его непосредственным присутствием, и в третьей части, благодаря обилию цитат и аллюзий, сознательно «сливается» с ним.

Второй пушкиноведческий роман, который хотелось бы здесь затронуть в связи с трилогией Ю. Дружникова, — «Записки д'Аршиака» Л. Гроссмана (1930), автора книги «Пушкин» из серии ЖЗЛ. Если последняя книга близка к каноническому изображению личности Пушкина (не столько личности, сколько идеи), то первая демонстрирует то, как ученый, не имеющий возможности в условиях повсеместного выхолащивания биографии поэта доказать свою гипотезу об истинных причинах дуэли и смерти Пушкина, предпринимает попытку художественно достоверного воплощения этой идеи.

Задолго до «Записок д'Аршиака» В. Соловьев высказал соображение, что Пушкин убит собственным нехристианским, упорным и нераскаянным стремлением совершить убийство [14]. Ср. у Гроссмана: «Пушкин неожиданно встал пе-

ред нами, как беспощадный враг. Его воля к убийству рвалась из каждой строки его письма» [З. С. 267].

«Философия начинается с удивления», — пишет Аристотель в своей «Поэтике». Роман Гроссмана начался с удивления исследователя, когда его прежние представления о лицах, замешанных в пушкинской дуэли, оказались развеянными свидетельствами документов. Отсюда и выбор «рассказчика» — секунданта Дантеса — д'Аршиака, чья порядочность подтверждена друзьями Пушкина. В первом предисловии к роману, написанном в 1930 году, автор защищает свое право художника на отход от канона восприятия дуэльной истории.

Образ «благородного» Дантеса не слишком вписывается в традиционную пушкинскую мифологию. Чаще это демон, аристократ, сноб, чужак. Эта традиция, восходящая к Лермонтову, актуальна и в сегодняшней беллетристической и кинематографической пушкиниане. Так, в первом постсоветском полнометражном фильме о поэте «Пушкин. Последняя дуэль» (2006) Дантес — участник мирового заговора против России. Дуэль показана глазами секунданта Пушкина Данзаса.

Эта позиция выглядит более тривиальной, по сравнению с образом Дантеса в романе-хронике Л. Гроссмана, написанном от лица секунданта француза. Рассказчик явно любит его: «Вот несется шестой эскадрон на белоснежных конях. Впереди всего взвода мчится на лоснящемся иноходце поручик д'Антес. Парадная форма кавалергарда блещет на солнце. Каска с восьмиконечной звездой схвачена под подбородком крепкой металлической чешуею. Над ней литой орел распластывает на огненной макушке свои когтистые лапы, воздевает в небо два горбатых клюва и, расправляя свои серебряные крылья, словно плывет по воздуху над белым всадником... с бодрым, радостным и хищным лицом несется перед своим сверкающим взводом, играя обоюдоострым мечом, белый муж на белом коне» [З. С. 170].

Многие советские критики усмотрели в таком портретировании Дантеса героизацию убийцы Пушкина, поэтому в предисловии ко второму, «оттепельному» изданию (1960) автор пытался оправдаться, тем самым признавая, что не очень верит в возможность непредвзятого отношения к книге, противостоящей «житийной» тенденции советского пушкиноведения.

Согласно мнению рассказчика в романе Л. Гроссмана, Дантес не хотел убивать поэта. Поединка можно было избежать: Пушкин легко мог умом обыграть своего врага, сразить эпитафией, как делал раньше, а не устранять физически. Отсюда вывод писателя-исследователя, что под видом дуэли, защищающей честь, Пушкин вынудил француза выступить в роли орудия самоубийства поэта. Все эти факты говорят о существенно новой исследовательской тенденции понимания дуэли в романе Гроссмана: вместо черно-белой концепции безусловного возвеличивания «нашего всего», к пониманию сложности, трагизма, многовариантности жизни и судьбы великого поэта, а значит, и его «вечного спутника». (Кстати, Понтий Пилат, которого М.А. Булгаков сделал «вечным спутником» Иешуа, тоже является его фактическим убийцей. Вспомним также предсмертные слова Пушкина «Я все простил» и запрет Данзасу мстить за себя, которые вызывают в памяти Левия Матвея и его попытку мести за своего учителя).

Наконец третья книга, входящая в традиционный пушкиноведческий круг, диалогия И. Новикова «Пушкин в изгнании» («Пушкин на юге», «Пушкин в Михайловском»). С большим мастерством, ярко и красочно воссоздает Новиков в своем романе живой и детальный портрет Пушкина, убедительно рисует его творческие поиски, работу над поэтическими созданиями. Исследовательские достоинства романа Новикова «Пушкин в изгнании» (1924—1953) — широкие картины изображаемой эпохи, убедительный показ разнообразного окружения поэта, его современников — близких людей, политических и государственных деятелей, писателей, лицейских друзей.

Объективность, отсутствие явно выраженной тенденции отличает этот роман от двух предыдущих. Тем не менее доминантная тема все же присутствует — это своеобразная «детективная интрига», строящаяся из догадок Пушкина о «заговоре» декабристов — постепенного раскрытия перед внутренним взглядом Пушкина истории восстания. Любопытно, что интригой она является лишь для главного героя: читатель знает будущее, Пушкин — нет.

Отметим отсутствие идеализации Пушкина в романе: например, связи поэта с Ольенькой Калашниковой, Анной Керн показаны без ложной скромности, но и без присущего последующим эпохам цинизма. С помощью фигуры умолчания и многозначительных многоточий дается оценка отношениям Пушкина с крепостной любовницей Калашниковой: «покорность ее, и обреченность, и полная невозможность никакого другого „иначе“ томили его... как страстно ему вдруг захотелось все перевернуть... Но вместо того он вручил ей письмо и, целуя, напутствовал, чтобы не скучала... Не забывала... была весела и здорова...» [11. С. 335]. Если учесть, что после Пушкин не интересовался ни судьбой матери своего первого ребенка, ни самим ребенком, то эта авторская оценка выглядит, пожалуй, слишком объективной, исторически обоснованной для романа, но естественной для писателя-исследователя, цель которого — максимально приблизиться в эпохе и мирозерцанию героя.

Не проходит И. Новиков и мимо такой неканонической черты образа Пушкина, как способность к маневрированию, жизненной игре, уступкам власти в сложных вопросах. Писатель оценивает это качество как высокое искусство «уступая — не уступать» [11. С. 331], в чем слышится отголосок эпохи, в которой жил сам автор романа. Как показывает М.В. Михайлова, им сделано было все, чтобы «недостойное» религиозно-философское прошлое было забыто, а на свет появился полностью адаптировавшийся к социалистической действительности, «официально» признанный советский писатель. Исследователь подчеркивает, что сам И. Новиков хорошо осознавал необходимость подобных перемен ради самосохранения [8].

Прошение императору о помиловании, написанное вскоре после декабрьского восстания, после которого Пушкин выглядит неприглядно в собственных глазах, показано Новиковым в сильной позиции — в конце главы «Тревога»: «Какая-то новая мысль его обожгла. И быстрым движением он переплел и заломил горячие пальцы: а сам он... сам — отослал... прошение — императору!» [10. С. 352]. Эти пушкинские мысли остаются без явной авторской оценки, но расположение в сильной позиции говорит само за себя.

Именно как способность к маневру в трудной ситуации рассматривает Новиков и неоднократные попытки поэта вырваться за границу. Изгнание, по мнению автора, формирует поэта: в годы южной ссылки молодой Пушкин — в значительной мере путешественник, познающий незнакомый мир. В Михайловском же Пушкин показан как бы статично — он некий центр, к которому стягиваются люди и события. Поэтому закономерно, с точки зрения Новикова-исследователя, что южные «географические» (Крым, Кавказ, Бессарабия) сменяются «энциклопедическим» «Евгением Онегиным» и философско-историческим «Борисом Годуновым». Пушкинское «изгнание» показано как позитивный фактор развития дара: «В этом была простота и величие, и дивная сложность, и собранность, и широта; и это крепило, пусть охлаждая, но закаляя» [10. С. 306].

Совсем иначе видит эту же ситуацию Ю. Дружников, который трактует образ Пушкина в соответствии с популярными на Западе в конце XX столетия романами в жанре «патографии», в которых известные люди — писатели, художники, музыканты — показаны как моральные монстры. Отсюда наименование жанра «патография» — патологическая биография, восходящая к изысканиям Фрейда и Юнга. Соглашаясь с «памятью жанра» (термин М. Бахтина) патографии, Дружников изображает не гармонического гения, но маргинала с сомнительными нравственными качествами. Эта доминантная тема особенно ярко актуализируется в заглавном комплексе: поэт именуется «узником России» в названии трилогии, «изгнанником» в названии первой хроники, «беглецом» — в названии второй и «изгоем» в названии заключительной части трилогии. В этом видится некий эстетический перебор, который, с другой стороны, можно объяснить историческими причинами.

Исследовательская ценность труда Ю. Дружникова не в открытии новых фактов, но в своеобразном новом их освещении, «пародировании истории», выражаясь пушкинским словом. Как Пушкин переписывает трагическую шекспировскую «Лукрецию» в комической поэме «Домик в Коломне», так Дружников накладывает на факты пушкинской биографии историю литературы XX века и свою собственную писательскую судьбу. (Мы уже наблюдали подобный феномен в романе Тынянова, сначала иронизирующего по поводу всем известных фактов пушкинской биографии, потом стремящегося уйти от собственной научной и жизненной судьбы в пушкинский гармонический мир; Новикова, находящего оправдание собственным уступкам страшному времени в пушкинском «высоком искусстве» маневрирования; наконец Гроссмана, примерившего на себя роль беспристрастного судьи д'Аршиака, но вынужденного оправдываться за отсутствие явно выраженной «классовой» позиции.)

Трудная издательская и писательская судьба на родине сделала Ю. Дружникова сначала эмигрантом, затем преподавателем русской литературы, профессором Калифорнийского университета. Этим объясняется некоторая «зацикленность» автора на теме «побега» Пушкина из ненавистой России, тема, которую он стремится вновь и вновь доказать в каждой новой главе «романа-исследования» (авторское обозначение жанра). Рассмотренные под новым углом зрения многочисленные факты биографии Пушкина, подробнейшая детализация делает роман важным этапом современной пушкинистики, который нельзя не учитывать про-

фессиональным литературоведам-пушкинистам. Вместе с тем столь явно выраженная, не только не скрываемая, но настойчиво афишируемая тенденция, изображающая Пушкина неудачливым «внутренним эмигрантом», делает исследование настолько субъективным, что ничего не остается, как назвать его «романом».

По мнению В. Новикова, термин «филологический роман», помимо прочего, вполне применим к такому типу сочинений, как беллетристическое повествование о писателях. Термин помогает исследователю разграничить тексты Ю. Тынянова и И. Новикова: роман Тынянова, по его мнению, еще и филологический. Филологизм может присутствовать в вымышленном повествовании, в свою очередь и в строго фактографическом дискурсе порой просвечивает романная концепция, отнюдь не разрушающая суть исследования и даже помогающая отчетливее подать ее читателю [10]. Романная концепция для В. Новикова — это самовыражение автора, в том числе и в историко-филологических исследованиях, подобных книге Ю. Лотмана «Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя».

Термин «роман-реконструкция», использованный впервые Ю. Лотманом для своей книги «Сотворение Карамзина», ближе к используемому в этой статье термину Дружникова «роман-исследование», поскольку сама идея, положенная в основу книги Лотмана о Пушкине: поэт не только в творчестве, но и в житейской судьбе — победитель, а отнюдь не жертва — исключительно беллетристична. Она, как и противоположная идея Ю. Дружникова, — пушкинская «полижизнь» (семейную жизнь хотел совместить с холостой, финансовую обеспеченность с игрой в карты, презрение к журналистам с желанием самому издавать журнал, службу на правительство с оппозицией, стремление к уединенной жизни в деревне с ежедневными светскими раутами в «свинском» Петербурге, желание бежать за границу — с работой в российских архивах, любовь к родине с ненавистью к ней) физически не могла быть охвачена одним человеком, поэтому закономерно наступил крах, приведший к фактически самоубийству, — эта идея не может быть ни однозначно подтверждена, ни однозначно опровергнута и навсегда останется выразительной сюжетной метафорой.

Главная романная составляющая филологического романа, по В. Новикову, — плодотворное переплетение прошлого и современности, исторического героя и личности пишущего автора, углубляющее историческую «горизонталь» героя, — в романе-исследовании Ю. Дружникова, безусловно, присутствует. Личность автора, разрывающаяся противоречиями, невозможностью смириться с отсутствием признания на родине, любовь-ненависть к оставленной отчизне — отсюда глубокая мизантропия, бросающая тень и на образ носителя «веселого имени» (Блок) в книге. Автор смотрит, подобно Гоголю, «из прекрасного далека» на своего несчастного соотечественника, так и не достигшего, несмотря на нечеловеческие усилия, заветных ворот заграничного рая.

Для сравнения: в романе И. Новикова «Пушкин в изгнании» тема бегства, тоже представленная достаточно развернуто, все же является частью темы бегства от бытийной несвободы: в заграницу, в любовь, в творчество — это тема преодоления своеобразного «овидиева комплекса», экзистенциальной тоски (ср., например, глава «Овидиев племянник»). Дружников доводит эту тенденцию до высшей

точки — его Пушкин самоосуществляется в процессе непрерывного «бегства» (невольно вспоминаются другие «убегающие» от экзистенциальных проблем герои литературы XX века «Кролик, беги» Дж. Апдайка и «Улетающий Монахов» А. Битова); отсюда логический итог — бегство в смерть, где дружниковский Пушкин наконец достигает искомой гармонии: «Пушкин осуществил свою гибель и, может быть, в процессе аннигиляции самого себя, а вовсе не в других ипостасях, стал свободен, независим, а значит, счастлив» [5. С. 257].

Дополнительная сюжетная линия, раздвигающая рамки романа-биографии, — это повествование об истории пушкинистики и литературоведах, по словам Дружникова, «присвоивших себе право трактовать поэта и его окружение в зависимости от политической конъюнктуры». Это еще один аргумент в пользу определения книги Дружникова как филологического романа.

Исследование прозападной ориентации Пушкина, по словам Дружникова, способствует мировому значению Пушкина, русский поэт становится ближе и понятнее западному читателю, но эта направленность, а особенно приверженность элементам жанра патографии, демонстрирует, что и сам Дружников не чужд разного рода конъюнктуры. Таким образом, для того чтобы окончательно определить трилогию как филологический роман (в трактовке В. Новикова) в нем недостаточно авторской саморефлексии. Автор склонен осуждать, давать оценки, отличающиеся безусловно новым научным видением проблемы, но при этом он не критичен к собственной позиции, монологичен, говоря словом Бахтина.

Что касается жанра свободного романа, как его трактует М. Назаренко, мало вероятно, что сам автор (Тынянов) согласился бы с таким определением, поскольку его замыслом был многотомный эпос о рождении, развитии, гибели национального поэта. Другое дело, что тыняновский роман написан с большой долей самоиронии, заставляющей вспомнить «Прогулки с Пушкиным» А. Синявского, в лаконичной и динамичной манере, близкой прозе самого Пушкина. Большую роль сыграл личный писательский и жизненный опыт Тынянова. Тем более не подходит это определение (свободный роман) для трилогии Дружникова, которая не свободна от двух крепко связанных тенденций: патографии и идеи неудавшегося бегства.

Ближе всего к жанровому своеобразию книги Дружникова лотмановское определение романа-реконструкции, но в случае «Узника России» это все же деконструкция. Заметим эту явно выраженную тенденцию, хотя Дружников всячески открепивается от постмодернизма и его адептов. Приходится согласиться с В. Сердюченко, что после чтения книги Дружникова возникает острое желание вернуться «к хрестоматийно-глянцевому пушкинскому облику» [13]: как бы он ни был выхолощен, в нем есть некая цельность личности, гармония человека и творца. Таким образом, для жанра реконструкции в книге Дружникова недостаточно научной объективности.

Что же касается романа-исследования, то последнее не обязано быть объективным. Именно некоторая ограниченность, взятые самим для себя рамки позволяют исследователю увидеть нечто невидимое объективному взгляду. В этом видится художественная и научная ценность трилогии Ю. Дружникова «Узник России».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Воспоминания о Ю. Тынянове: Портреты и встречи. — М.: Советский писатель, 1983.
- [2] *Гаспаров М.Л.* Научность и художественность в творчестве Тынянова // Тыняновский сборник. Четвертые тыняновские чтения. — Рига, 1990.
- [3] *Гроссман Л.П.* «Записки д'Аршиака»; Пушкин в театральных креслах. — М.: Художественная литература, 1990.
- [4] *Дружников Ю.И.* Дуэль с пушкинистами // www.druzhnikov.com
- [5] *Дружников Ю.И.* Узник России. По следам неизвестного Пушкина. Роман-исследование. Трилогия. — М.: Голос-пресс, 2003.
- [6] *Костелянец Б.* Послесловие // Тынянов Ю.Н. Пушкин: роман. — М.: Художественная литература, 1990.
- [7] *Левинтон Г.А.* Грибоедовские подтексты в романе «Смерть Вазир-Мухтара» // Тыняновский сборник. Четвертые тыняновские чтения. — Рига, 1990.
- [8] *Михайлова М.В., Абишева У.К.* «Всему прошедшему наследник...» (о всероссийских научных чтениях «И.А. Новиков в кругу писателей-современников») // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. — 2002. — № 4.
- [9] *Назаренко М.И.* Литература и биография в романе Ю.Н. Тынянова «Пушкин» // А.С. Пушкин и мировой литературный процесс: Сб. научных статей по материалам Международной научной конференции, посвященной памяти А.А. Слюсаря. — Одесса: Астропринт, 2005. — С. 285—298.
- [10] *Новиков В.* Филологический роман. Старый новый жанр на исходе столетия // Новый мир. — 1999. — № 10.
- [11] *Новиков И.А.* Избранные сочинения в 3 т. Т. 1. — М.: Художественная литература, 1955.
- [12] Роман как катарсис. Ответы Юрия Дружникова на вопросы участников «круглого стола» «Кризис или метаморфозы: судьба романа на рубеже веков». Варшава, 2000 // www.druzhnikov.com
- [13] *Сердюченко В.* Пушкин: деконструкция. // www.druzhnikov.com
- [14] *Соловьев В.С.* Литературная критика. — М.: Современник, 1990.

THE RESEARCH-NOVEL ABOUT PUSHKIN AS GENRE

T.G. Shemetova

Department of Russian Literature of XX century
Moscow State University
Lenin's mountains, 1, Moscow, Russia, 119991

The article analyzes evolution of the research-novel genre about Pushkin, from the classics of this style Yuriy Tinianov and Ivan Novicov to modern essays of Yuriy Drouzhnikov.

Key words: evolution of the genre, research-novel, philological novel.